

Собака — эпизод 1 из 7

...Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после этого должен играть здравый рассудок? провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки на желудке.

Антон Степаныч состоял в чине статского советника, служил в каком-то мудреном департаменте и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, вlepили станицлашку.

Это совершенно справедливо, заметил Скворевич.

Об этом и спорить никто не станет, прибавил Кинаревич.

И я согласен, поддакнул фистулой из угла хозяин дома, г. Финоплентов.

А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самим произошло нечто сверхъестественное, проговорил мужчина среднего роста и средних лет, с брюшком и лысиной, безмолвно до тех пор сидевший за печкой. Взоры всех находившихся в комнате с любопытством и недоумением обратились на него и воцарилось молчанье.

Этот мужчина был небогатый калужский помещик, недавно приехавший в Петербург. Он некогда служил в гусарах, проигрался, вышел в отставку и поселился в деревне. Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы, и он отправился в столицу поискать удобного местечка. Он не обладал никакими способностями и не имел никаких связей; но он крепко надеялся на дружбу одного старинного сослуживца, который вдруг ни с того ни с сего выскочил в люди и которому он однажды помог приколотить шулера. Сверх того он рассчитывал на свое счастье и оно ему не изменило; несколько дней спустя он получил место надзирателя над казенными магазинами, место выгодное, даже почетное и не требовавшее отменных талантов: самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, а придумали их в видах государственной экономии.

Антон Степаныч первый прервал общее оцепенение.

Как, милостивый государь мой! начал он, вы не шутя утверждаете, что с вами произошло нечто сверхъестественное я хочу сказать: нечто не сообразное с законами натуры?

Утверждаю, возразил милостивый государь мой, настоящее имя которого было Порфирий Капитоныч.

Не сообразное с законами натуры! повторил с сердцем Антон Степаныч,

которому, видимо, понравилась эта фраза.

Именно... да; вот именно такое, как вы изволите говорить.

Это удивительно! Как вы полагаете, господа? Антон Степаныч потщился придать чертам своим выражение ироническое, но ничего не вышло или, говоря правильнее, вышло только то, что вот, мол, господин статский советник дурной запах почуял. Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, продолжал он, обращаясь к калужскому помещику, передать нам подробности такого любопытного события?

Отчего же? Можно! отвечал помещик и, развязно пододвинувшись к середине комнаты, заговорил так:

У меня, господа, как вам, вероятно, известно а может быть, и неизвестно небольшое имение в Козельском уезде. Прежде я извлекал из него некоторую пользу но теперь, разумеется, ничего, кроме неприятностей, предвидеть нельзя. Однако побоку политику! Ну-с, в этом самом имении у меня усадьба махенькая: огород, как водится, прудишко с карасишками, строения кой-какие ну, и флигелек для собственного грешного тела... Дело холостое. Вот-с, однажды годов этак шесть тому назад вернулся я к себе домой довольно поздно: у соседа в картишки перекинул, но притом, прошу заметить, ни в одном, как говорится, глазе; разделся, лег, задул свечку. И представьте вы себе, господа: только что я задул свечку, завозилось у меня под кроватью! Думаю крыса? Нет, не крыса: скребет, возится, чешется... Наконец ушами захлопало!

Понятное дело: собака. Но откуда собаке взяться? Сам я не держу; разве, думаю, забежала какая-нибудь заболтущая? Я кликнул своего слугу; Филькой он у меня прозывается. Вошел слуга со свечкой. Что это, я говорю, братец Филька, какие у тебя беспорядки! Ко мне собака под кровать затесалась. Какая, говорит, собака? А я почему знаю? говорю я, это твое дело барина до беспокойства не допускать. Нагнулся мой Филька, стал свечкой под кроватью водить. Да тут, говорит, никакой собаки нету. Нагнулся и я: точно, нет собаки. Что за притча! Вскинул я глазами на Фильку, а он улыбается. Дурак, говорю я ему, что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вероятно, как ты стал отворять дверь, взяла да и шмыгнула в переднюю. А ты, ротозей, ничего не заметил, потому что ты вечно спишь. Уж не воображаешь ли ты, что я пьян? Он захотел было возражать, но я его прогнал, свернулся калачиком и в ту ночь уже ничего не слышал.

Но на следующую ночь вообразите! то же самое повторилось. Как только я свечку задул, опять скребет, ушами хлопает. Опять я позвал Фильку, опять он поглядел под кроватью опять ничего! Услал я его, задул свечку тьфу ты чёрт! собака тут как тут. И как есть собака: так вот и слышно, как она дышит, как зубами по шерсти перебирает, блох ищет... Явственно таково! Филька! говорю

я, войди-ка сюда без свечки! Тот вошел. Ну, что, говорю, слышишь? Слышу, говорит. Самого-то мне его не видать, но чувствую я, что струхнул малый. Как, говорю, ты это понимаешь? А как мне это понимать прикажете, Порфирий Капитоныч? Наваждение! Ты, я говорю, беспутный человек, молчи с наваждением-то с своим... А у обоих-то у нас голоса словно птичьи, и дрожим-то мы как в лихорадке в темноте-то. Зажег я свечку: ни собаки нет, ни шума никакого а только оба мы с Филькой белые, как глина. Так свечка у меня до утра и горела. И доложу я вам, господа, верьте вы мне или нет а только с самой той ночи в течение шести недель та же история со мной повторялась. Под конец я даже привык и свечку гасить стал, потому мне при свете не спится. Пусть, мол, возится! Ведь зла она мне не делает.